

МЕНТ КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВ

Творческий портрет

МОНОЛОГ ОБ АКТЕРЕ

Свою первую роль Николай Бойко сыграл в учебном спектакле Харьковского института искусств. Это был Плюшкин в «Мертвых душах» Гоголя. Спектакль ставил студент режиссерского факультета Евгений Гимельфарб. Эта работа во многом определила дальнейшую творческую судьбу Николая.

Бойко был тем актером, с каким хотел бы работать Гимельфарб, поскольку искал он людей, «сердцем приросших к театру необратимо». Николай был из таких. Он мог торчать в мастерской с утра до ночи, делая любую работу. За всех. Но не только своей вечной готовностью к работе подкупил он тогда режиссера. Поразило, как точно актер почувствовал куклу.

...Голова, сплетенная из пенковой веревки, одна рука и мешок. Голова была придатком мешка. Она могла отодвигаться от него, якобы самостоятельно существовать, но живая рука каждый раз притягивала мешок-туловище к ней. И складывала в мешок всякую всячину. Про запас.

Весь облик этого Плюшкина, каким его делал Н. Бойко, казалось, источал запах плесени, затхлости. Он жил, действовал на фоне счетов, костяшки которых были в виде человеческих фигурок. Верхние ряды — золотые, нижние — деревянные. Плюшкин лез к золотым. Чичиков отпихивал его вниз, к деревянным.

После института Бойко и Гимельфарб работали в разных театрах, но не теряли друг друга из вида. Вновь встретились в Барнауле.

Вспоминается...

...Мальчику десять лет. Брат и сестра привели его в кукольный кружок. Шагнул в комнату и замер на пороге. Другой мир, в котором, кажется, и говорить, и двигаться нужно иначе. Захотелось понять этот мир, постичь его тайны. Остался.

...Всем классом пошли в театр. Спектакль был про войну. На сцене — вагон. Настоящий. Потрясло сочетание несовместимого — условности и реальности. Возникло ощущение правды, не покидавшее до конца спектакля.

...Он уже выпускник института. В театре идут «Два клена». Он — Медведь. Занавес. Шум зала. Головокружительное волнение. Он так и не научился спокойствию перед спектаклем. До сих пор.

Первой ролью Бойко на сцене Алтайского краевого театра кукол стал Тибул в «Трех толстяках» Олеси. Отношение к спектаклю было сложным. Не только у зрителей, но и у многих актеров, в нем занятых. Непривычным было все: от выбора пьесы («совсем не для кукольного театра») до структуры спектакля. Режиссерская концепция требовала твердой актерской позиции. Таков был режиссерский почерк Гимельфарба, к нему надо было сначала привыкнуть, чтобы, усвоив предложенную им «систему знаков», научиться потом понимать ее и «читать» свободно.

Режиссер ставил каждого актера в жесткие условия, «провоцируя» его на конфликт, тот, что, как искра, рождает свет творческого озарения. С таким режиссером могли работать только единомышленники. Бойко был, пожалуй, самым надежным из них. Ему были близки идеи, предположения Гимельфарбом, как и стилистика образного решения спектаклей, сочетающая, а вернее, сливающая живую актерскую игру с кукловедением.

Николай Бойко — превосходный драматический актер (один «Декамерон», где он сразу играет несколько ролей, чего стоит. А Петруха в «Двенадцати»). Но драматический актер владеет собственной пластикой. Кукольный же «вооружен» предметом (куклой, маской). Это уже образ, который он должен объяснить и чье пребывание на сцене оправдать. Вот почему только собственной пластики мало.

К слову, о пластике. Ею актеры кукольного театра владеют почти виртуозно. И голосом, кстати, тоже. В труппе почти нет не поющих. Хотя, казалось бы, зачем все это кукловодам? А им-то необходимо особенно, убедились на собственном опыте, когда приступили к работе над спектаклем «Двенадцать» по Блоку, который стал первой по-настоящему крупной победой театра.

Н. Бойко сыграл в нем Петруху. Хо-

тя почему «сыграл»? Играет. Спектакль идет на сцене театра до сих пор, но, пожалуй, правильнее будет сказать о нем «живет», потому что, оставаясь неизменным в главном, сохраняя поэтический стиль литературного оригинала, спектакль претерпевает все же некоторые структурные изменения. Сегодня в нем иначе, чем в первых постановках, расставлены акценты, многие сцены играют по-иному, в другой тональности. В некоторых случаях заменены и исполнители ролей. Но Петруху по-прежнему играет Н. Бойко.

И опять поищу более точное слово... Не «играет» — проживает сценическую жизнь героя, как свою собственную. Каждый раз заново, точно ищет мучительно ответ на главный вопрос, поставленный перед ним самой историей. Понимая огромность его значения, страдает от того, что не может уйти от малости повседневного, интуитивно соизмеряя в своем сознании гибель то-варищей за идеалы революции и смерть неверной Катки, наказанной за распутство. Но не крушение надежд играет Бойко — обретение веры.

Николаю Бойко вообще близки герои крепкие, стойкие, мужественные, но с трепетной душой, способной откликнуться на чужую боль. Его герой — это прежде всего человек, у которого не остыла душа, человек, который волнуется. «Самое главное, чтобы человек волновался. Благодаря этому и жизнь происходит, благодаря этому он и действует. Хочу, чтоб и мои герои волновались».

Актер не делит роли на любимые и нелюбимые. Дороги все, потому что они часть его жизни, им столько отдано души, эмоций, нервов... Хотя бывает, что к одной роли готовится с большим волнением, к другой — с меньшим. Это во многом зависит от драматургии.

С разным чувством относиться к тем героям, которых играет Николай Бойко, но никогда не остаешься равнодушным к ним. Будь это Конек-Горбунок в одноименном спектакле, Жених и Дед в «Точке зрения» или семь ролей в «Декамероне». Не говоря уже о Петрухе в «Двенадцати», о Рыбнике в «Тиле».

Для самого актера две эти последние роли имеют значение особое, поскольку выражают полярность не только

образов, но и форму поиска, способ их существования на сцене. На одном полюсе — четкая, логически безупречно выстроенная роль Рыбника, на другом — то ли ажурная хрупкость, то ли переливчатая изменчивость мятущегося Петрухи. Одна «отлилась» в форму сразу, другая беспокоит своей «незавершенностью» до сих пор.

В Рыбнике как бы живут и борются два человека. На стороне одного разум, на стороне другого — сила, которую поддерживает Власть. Вначале были на равных, но наступил момент внутреннего поединка: писать или не писать донос?

Актер исследует причину предательства Рыбника, объясняя каждый его поступок человеческой слабостью. И обнажает его суть. Он отваживается сыграть это на сцене, показав нам Рыбника без маски. И мы видим слабую, задыхающуюся плоть, судорожно держащуюся в поисках хоть какой-нибудь защитной оболочки. Подворачивается балахон Палача — и слабая плоть, укрывшись за ним, обретает уверенность.

Этой сцены не было в режиссерской экспликации. Ее предложил сам актер и отстоял на репетициях.

Такую творческую самостоятельность, способность Николаю Бойко осмысливать роль и точно выстраивать ее Евгений Гимельфарб очень ценит. Как главный режиссер, как бывший актер, потому что знает, как нужен в кукольном театре актер, тонко чувствующий форму. Пока Бойко не увидит внутренним зрением образ, не найдет прототип героя, он не может работать. В сущности он режиссер каждой своей роли. Поэтому не случайно Е. Гимельфарб настоял на том, чтобы Николай Бойко попробовал себя в режиссуре.

Он согласился, выбрав роль постановки «Красную шапочку», а потом спектакль «Марья-голуба и Андрей-стрелок».

И все же для Николая Бойко режиссура имеет пока «вспомогательное» значение: «Я актер, и остаюсь им даже в роли режиссера».

Сейчас театр репетирует «Соловья» Андерсена. Заглавная роль поручена Н. Бойко. Каким он будет, его новый герой? Подождем премьеры...

О. ПАКЛИНА.
Фото В. Гракова.